

НАКАЗАНИЕ – НЕ ПАНАЦЕЯ ОТ ПРЕСТУПНОСТИ

Рассматриваются значение наказания в системе мер борьбы с преступностью и проблема переоцененности этого значения. Анализируются закрепленные в УК РФ цели наказания и предлагается их уточнение для установления соответствия с реальными возможностями наказания. Также рассматривается практика часто необоснованного изменения УК РФ посредством ужесточения наказаний за отдельные преступления, делается вывод о ее нецелесообразности в связи с отсутствием ощутимой пользы для борьбы с преступностью.

Ключевые слова: наказание; уголовное право; преступность; предупреждение преступлений; рецидивная преступность.

Традиционно выделяются два основных способа борьбы с преступностью: применение наказания к лицу, виновному в преступлении, и предупреждение совершения новых преступлений [1. С. 264], притом последнее понимается как особый вид социальной деятельности, осуществляемой путем устранения криминогенных факторов и формирования факторов антикриминогенных [2. С. 83]. Еще в XVIII в. Чезаре Беккариа писал, что более предпочтительно предупреждать преступления, а не наказывать за их совершение, и, следовательно, хорошее законодательство должно быть направлено не на наказание, а на предупреждение преступлений [3. С. 150]. Данное утверждение, призывающее определить в качестве приоритета государственной уголовной политики предупредительную деятельность, а не имеющее место *post factum* применение уголовной репрессии сохранило актуальность до настоящего времени. Будучи приложено к отечественной правовой действительности, сохранило оно и критическую коннотацию, поскольку российский законодатель уделяет наказанию, как представляется, слишком много внимания, отводя предупреждение преступлений на второй план и даже полагая возможным полноценное его достижение за счет наказания.

Конечно, не может быть и речи об умалении значения наказания, ведь наказание, без которого, к тому же, нет и уголовного права как такового [4. Р. 25], является важным инструментом инкультурации, наиболее репрессивным средством обеспечения принудительного признания господствующей культуры и ее ценностей подвергающимся наказанию субъектом [5. С. 124–125]. К тому же, несмотря на примитивность механизма действия наказания как насилия со стороны государства во избежание нового насилия со стороны преступника, до сих пор так и не удалось построить общество, обеспечение безопасной жизни которого было бы возможно без применения наказания [6. С. 8–9]. Но каково значение наказания и в чем заключается его роль в борьбе с преступностью, если исходить из того, что наказание представляет собой естественную негативную реакцию государства на совершение преступления?

Ответ отчасти содержится в самом вопросе – наказание состоит в конкретной и материально выразимой официальной государственной реакции на преступление (и реакции наиболее распространенной) [7. С. 188] и, следовательно, должно являться неотвратимым последствием преступления. Интересно, что в

истории уголовного права встречалась даже попытка провести параллель между соотношением наказания и преступления с долгом и кредитом [8. Р. 207], чем подчеркивалась естественность связи наказания с преступлением, выступающим для него причиной и базовым условием.

Очевидно, что совершение преступления требует реакции со стороны общества, выраженной в возмездии [9. Р. 579]. Наказание как раз и является возмездием преступнику, карой¹, призванной восстановить общественный порядок, и это важная составляющая часть наказания. Но также очевидно, что при применении наказания к лицу в связи с совершением им преступления нельзя ограничиваться одним этим содержательным элементом наказания, что было бы совершенно иррационально. Естественно-карательное содержание наказания должно дополняться созидательным воздействием, направленным на ресоциализацию преступника в современном обществе. Созидательное воздействие наказания, имеющее более важное значение, чем возмездие, в наиболее полной степени должно проявляться при исполнении наказания (вовсе необязательно связанного с лишением свободы) – уголовно-репрессивная система способна не только уничтожить совершившего преступление человека, заставить его страдать морально и физически, но и помочь ему ресоциализироваться, вернуться в общество и начать нормальную жизнь.

Содержание наказания (неизбежное претерпевание лицом лишений и ограничений, свойственных назначенной ему мере наказания, и ресоциализация) и его сущность (реакция на преступление) должны обуславливать цели наказания, которые в российском законодательстве определены в законе и определены неоспорно – в частности, они не могут не показаться излишне претенциозными.

Являясь одним из главных институтов уголовного права, наказание занимает центральное место в механизме реализации охранительных уголовно-правовых отношений [10. С. 20]. Угроза его применения за совершение запрещенного уголовным законом деяния должна иметь предупредительное, а вместе с ним и воспитательное значение для сдерживания преступных поползновений любого человека в обществе, а также (и в особенности) того, кто непосредственно на себе испытал мощь государственной репрессии. Помимо этого, применение наказания к совершившему преступление лицу должно быть способно не только удержать его от повторного нарушения уголовного

закона, но и, как писал И.Я. Фойницкий, превратить «негодного члена общества в годного, полезного для общества» [11. С. 61], исправить его. И, наконец, применение наказания должно в некоторой степени восстанавливать социальную справедливость, ведь наказание принято считать а priori справедливой реакцией государства и общества в целом на преступное нарушение правил человеческого общежития.

Все вышесказанное есть не что иное, как данный в обратном порядке пересказ целей наказания, закрепленных законодателем в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Однако представленный пересказ не случайно снабжен оговоркой долженствования, ведь эти цели до абсурда декларативны, хотя и, безусловно, привлекательны своей возвышенностью.

Содержание ст. 43 УК РФ может уверить в том, что наказание служит настоящей панацеей от преступности, способной если не полностью исцелить общество от этого недуга, то уж точно обуздать его, ведь не станет же государство закреплять в законе недостижимые цели, не озаботившись практическим обеспечением их реализации. Цели восстановления социальной справедливости и исправления преступника связаны с устранением вредных для общества последствий преступления, и их достижение предполагает торжество попорченной справедливости и превращение «негодного члена общества» в практически идеального гражданина, преисполненного уважительным отношением к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития (как то указано в ч. 1 ст. 9 УИК РФ). Достижение же цели предупреждения совершения новых преступлений предполагает решение основных задач превенции посредством воздействия одновременно на самих преступников и на неопределенный круг «неустойчивых» граждан [12. С. 369–370], т.е. как на индивидуальном, так и на общесоциальном уровне.

Таким образом, наличие в уголовном законе конкретных целей наказания предполагает возможность их достижения и, следовательно, решение наказанием всех связанных с преступностью проблем разом. Точнее, оно лишь демонстрирует уверенность государства в силе наказания и его первостепенной значимости для борьбы с преступностью.

При рассмотрении сущности наказания как вида негативной реакции государства на преступление, а также при изучении его возможностей в части борьбы с преступностью необходимо исходить из того, что наказание является именно реакцией, производным от преступления, которое, в свою очередь, есть свершившийся факт. Преступное деяние в той или иной уголовно запрещенной форме должно быть уже совершено, вред охраняемым законом интересам должен быть уже причинен, и только тогда государство, вооруженное правом карать за подобные девиации, может и должно в данной связи применить наказание.

Имея дело с оставшимся в прошлом деянием, его результатом и лицом, виновным в его совершении, наказание далеко не бессильно, но его возможности следует оценивать здраво, избегая при этом фикций. Цели наказания во многом являются именно фикциями, поскольку мало того, что они по большей мере

недостижимы *de facto*, так еще и чрезмерно привязаны к одним видам наказаний в ущерб другим, нарушая тем самым системность уголовного закона. Например, цель исправления осужденного может быть сочтена условно достижимой при назначении и исполнении наказания в виде лишения свободы на определенный срок с применением всех предусмотренных в УИК РФ средств исправления, тогда как другие наказания (штраф, разные виды работ и т.д.) подобным исправительным потенциалом не обладают, хотя цели наказания (а равно и средства исправления) относятся ко всем видам наказаний, предусмотренным в законе.

Учитывая вышеизложенное, уместно поставить вопрос о возможности уточнения целей наказания в сторону их большей универсальности и реальной достижимости. Проще всего, как представляется, было бы реализовать в тексте закона утверждение С.В. Познышева о том, что наказание может иметь своей целью лишь единственное предупреждение новых преступлений, объединяющее в себе все другие цели [13. С. 52–53], однако это дало бы слишком много возможностей для вольных трактовок при правоприменении. Предпочтительнее кажется альтернативный путь, предполагающий чуть большую детализацию целей наказания. Так, восстановление социальной справедливости может быть заменено восстановлением прав, нарушенных преступлением. Сам факт назначения судом справедливого наказания (соответствующего тяжести совершенного преступления) подразумевает достижение цели справедливого воздаяния (покараение виновного, т.е. избрание для него соответствующего наказания, уже само по себе может пониматься как восстановление социальной справедливости [14. С. 57]), тогда как закрепление цели восстановления нарушенных прав возлагает на правоохранительные органы и государство в целом четкую обязанность предпринять соответствующие действия в ходе применения к лицу наказания (как на стадиях его назначения, так и исполнения; например, в виде компенсации вреда – материального возмещения ущерба от преступления²). Исправление и предупреждение совершения новых преступлений следует объединить, поскольку они являются близкими по содержанию, включив их в новую цель – цель предотвращения рецидива преступлений, являющуюся их более приближенной к реальности интерпретацией. При этом нужно оговориться, что предотвращение рецидива преступлений должно достигаться, в первую очередь, за счет обеспечения государством осужденному лицу возможности вернуться к нормальной жизни в обществе, не связанной с необходимостью в силу тех или иных причин (начинающихся с отсутствия навыков законного труда и заканчивающихся социальным ostrакизмом) совершать новые преступления для поддержания собственной жизни, т.е. за счет ресоциализации этого лица, что рекомендуется, в частности, в Токийских правилах [15]. Таким образом, ч. 2 ст. 43 УК РФ может быть изложена в следующем виде: «Наказание применяется в целях восстановления нарушенных преступлением общественных отношений и предотвращения рецидива преступлений».

Нестабильность уголовной политики, выраженная в многочисленности и скоропалительности изменений уголовного закона, затрудняет оценку эффективности уголовного наказания [16. С. 118]. В этой связи примечательно, что именно уровень рецидивной преступности является единственным явным критерием оценки эффективности наказания. В 2016 г. в России «доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу», составила 30,9% [17]. В то же время по состоянию на 2016 год в исправительных колониях для взрослых содержалось 519,6 тысяч человек. Из них число осужденных к лишению свободы более одного раза составило 327,2 тысяч человек (в частности, три и более раз – 201,9 тысяч), т.е. почти 62,9% [18]. Важно, что все это касается только так называемого легального рецидива, т.е. совершения умышленного преступления лицом, имеющим неснятую или непогашенную судимость [2. С. 107]. Даже если проигнорировать фактический рецидив (совершение преступления лицом, хоть раз понесшим наказание, вне зависимости от погашения судимости) и латентность преступлений, можно утверждать, что уголовное наказание как таковое не эффективно практически в трети случаев, т.е. в трети случаев оно не способно достичь целей, поставленных законодателем [Там же. С. 109–110]. Еще хуже можно оценить и эффективность лишения свободы, которое не оказывает на осужденных положительного воздействия практически в двух третьих случаев.

Таким образом, учитывая то, что лишение свободы в российском уголовном праве является доминирующим наказанием (и даже системообразующим, ведь его срок служит основанием для категоризации преступлений по степени тяжести), к которому преимущественно относятся как цели наказания, так и средства исправления, эффективность наказания в нынешнем его виде характеризуется крайне низко. Вместе с тем традиционная уголовная политика, ориентированная, в первую очередь, на наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества, обходится государству неоправданно дорого и в нынешнем виде не способствует (или даже мешает) снижению уровня преступности [19. Р. 43], что позволяет поставить вопрос о целесообразности ее принципиального реформирования, в том числе и посредством обновления системы наказаний.

Также можно сделать неутешительный вывод, что роль наказания в борьбе с преступностью переоценена, ведь в большом количестве случаев оно терпит фиаско даже там, где обладает наибольшим потенциалом. Подобное положение вещей является существенным противоречием отечественного правопорядка, детерминанты которого кроются, очевидно, не столько в переоцененности роли наказания и его объективных возможностей, сколько в ненадлежащем его применении (назначении и исполнении), вызванном как недостатками самого закона (приводящими к возникновению объективных трудностей при его исполнении), так и системы правоприменения.

В лице законодателя государство проявляет повышенное внимание к изменению системы наказаний

в Общей части и санкций в статьях Особенной части уголовного закона, затрагивая этим фундамент уголовно-правовой системы, но мало способствуя решению существующих проблем, порой даже дополняя их новыми. Законодатель «совершенствует» УК РФ непоследовательно (достаточно упомянуть злостное с определением правовой природы конфискации имущества, содержанием ограничения свободы, декриминализацией и криминализацией клеветы и пр.) и практически непрерывно, что, как представляется, может угрожать деградацией всей конструкции уголовного закона. Можно ли считать нормальным состояние УК РФ, который всего за два десятка лет существования претерпел уже 165 редакций (по состоянию на август 2017 г.), многие из которых коснулись и наказания, приведя, прежде всего, к ужесточению конкретных санкций (увеличение сроков и сумм), хотя они так и не устранили, например, явную проблему наличия в законе неприменимых («мертвых») видов наказаний, как то смертная казнь и арест (за исключением применяемого в отношении военнослужащих содержания на гауптвахте; фактически наказание в виде ареста распалось на два разных наказания – специальный «военный» арест и общий «гражданский» арест [20. С. 431–432], являющийся неприменимым и вызывающим нарекания, что уже многие годы игнорируется законодателем и не находит отражения в тексте закона)? Здесь стоит отдельно отметить то обстоятельство, что политика государства (как общая, так и специальная – уголовная), направленная на ужесточение репрессивных средств борьбы с преступностью, является бессмысленной и избыточной уже хотя бы потому, что уровень основных видов преступности и самой преступности в целом неустойчиво снижается с начала XXI в., вне какой-либо очевидной зависимости от деятельности правоохранительной системы государства [21. С. 78].

В научной литературе встречается донельзя правдоподобное утверждение, что в современном мире наказание играет во многом демонстрационную роль, служа инструментом для создания государством видимости борьбы с преступностью [22. С. 47]. Но даже если предположить добросовестность законодателя, исключаящую популистское содержание его деятельности, эта деятельность, львиная доля которой состоит в неустойчивом реформировании уголовного закона (словно лишь реформирование закона, притом непоследовательное и неоднозначное, необходимо для решения проблем правопорядка), вполне может быть обусловлена его излишне репрессивным подходом к правотворчеству и уголовной политике в целом, что является существенным и опасным дефектом криминологического мышления [23. С. 63–64]. Действительно, вряд ли можно охарактеризовать положительно регулярное «совершенствование» наказаний за конкретные преступления (по большей части в сторону их ужесточения), введение новых уголовно-правовых запретов (обоснованных то ли политической конъюнктурой, то ли искренним желанием повысить эффективность УК РФ вкупе с недостаточным пониманием значения уголовного закона и криминологических основ его действия) и явное приращение как

правотворчеству, так и правоприменению резко карательного уклона.

Борьба с преступностью представляется комплексной деятельностью множества субъектов, перечень которых отнюдь не исчерпывается законодателем и правоохранительными органами, как сама борьба с преступностью не исчерпывается уголовным законом и наказанием. Так, в ряде случаев приемлемой и эффективной (как минимум с экономической точки зрения) альтернативой традиционному уголовному наказанию в доктрине предлагается считать процедуру восстановительного правосудия [24. Р. 1], благодаря которой часто удается существенно сократить повторение преступлений лицом, подвергшимся этой процедуре (прежде всего, в краткосрочной перспективе) [25. Р. 502–503]. Помимо прямых альтернатив наказанию, необходимо уделять внимание и другим мерам, которые воздействуют на причины и условия преступности, имея, к тому же, позитивное значение для всего государства. Среди таких мер можно упомянуть, например, увеличения распространенности среди населения высшего образования, одним из эффектов которого, как отмечается в научной литературе, является снижение у лица склонности к совершению наиболее распространенных видов преступлений (т.е. насильственных и имущественных) [26. Р. 1]. Другой мерой, не имеющей прямого отношения к уголовно-правовой системе, является стимулирование создания тесных социальных связей внутри общества на разных уровнях социальных отношений, прежде всего – семейном и трудовом [27. С. 36], что также способствует удержанию лица от преступного нарушения закона.

Итак, наказание является важным инструментом борьбы с преступностью, который, однако, ни в коем случае не должен считаться панацеей от преступности. Сама сущность наказания предопределяет достаточно узкую область его возможностей в борьбе с преступностью, которой, к сожалению, кажется недостаточно законодателю, завышающему как свои требования, так и ожидания.

Уголовная политика современного государства (или, иными словами, современная уголовная политика) должна быть направлена не на спорадическое «уточнение» существующих норм уголовного закона,

не на усиление ответственности за те или иные преступления (например, за преступления террористического характера), а на поиск соответствующих временных мер уголовно-правового воздействия и наказаний [21. С. 84], в том числе и нетрадиционных с точки зрения уголовного права, но вытекающих из условий современной жизни (например, в связи с развитием компьютерных технологий, повышением значения виртуальной реальности, возникновением киберпреступности и т.д.). Кроме того, важно иметь в виду, что большое значение имеет не только (и не столько) формальное достижение практических целей наказания, но и культурная обусловленность наказания и адекватное восприятие его обществом [28. Р. 56]. Едва ли можно говорить о приемлемой эффективности наказания (определенного его вида или размера), если оно не соответствует уровню развития общества и мировоззрению граждан, относящихся к нему как к избыточной репрессии, жестокости со стороны государства, либо наоборот – слишком мягкой мере и попустительству. Но не лучше кажется ситуация, когда находящаяся на грани жестокости политика воспринимается как должное, способствуя ожесточению населения и формированию, например, у понятия «подвергнуть уголовному наказанию» такого устойчивого просторечного синонима, как «посадить». В связи с этим при любом изменении уголовного наказания следует стараться сохранить баланс между целесообразностью и «народными чаяниями».

В заключение уместно отметить, что любое реформирование должно иметь свой предел, поскольку при отсутствии такового существует риск того, что оно приведет к трансформации уголовного закона в нежелательную для интересов общества сторону либо даже разрушит его как инструмент поддержания правопорядка, полностью лишив эффективности [29. С. 267]. Представляется, что это в полной мере относится и к наказанию, переоцененному и несовершенному, нуждающемуся в научно обоснованном, вдумчивом развитии, начинающемся с уровня целеполагания, учитывающем его реальные возможности и приводящем наказание к некой логичной и устойчивой форме, обеспечивая тем самым и ему и закону в целом одно из важнейших условий нормального функционирования – стабильность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Представляется, что наказание не лишено элементов кары, что дает основание рассматривать его как некую узаконенную форму возмездия, поскольку само по себе оно невозможно и происходит от негативной реакции на преступление и, следовательно, по смыслу своему никак не может быть свободно от негативной коннотации.

² Конечно, в этой связи возникает почти философская проблема оценки неопределимого – человеческой жизни, но закон и так преисполнен сухого канцелярского цинизма, да и в других областях правового регулирования с этой проблемой справляются, в частности, определяя размер компенсаций жертвам авиакатастроф и прочих чрезвычайных событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эминов В.Е. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2007.
2. Курганов С.И. Криминология : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2010.
3. Беккарна Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004.
4. George P. Fletcher. Basic concepts of criminal law. Oxford : Oxford University Press, 1998.
5. Бибики О.Н. Уголовное наказание как культурно обусловленная реакция на преступление // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2012. № 1 (30). С. 120–126.
6. Бытко С.Ю. Уголовное наказание: сущность и эффективность предупредительного воздействия. М. : Юрлитинформ, 2016.

7. Адельханян Р.А. Уголовное право России. Практический курс : учебник / под общ. и науч. ред. А.В. Наумова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2010.
8. Henry Dagge. Considerations on Criminal Law. London, 1774. Vol. 1.
9. Schinkel M. Punishment as moral communication: The experiences of long-term prisoners // *Punishment & Society*. 2014. Vol. 16 (5). P. 578–597.
10. Сундуров Ф.Р., Талан М.В. Наказание в уголовном праве : учеб. пособие. М. : Статут, 2015.
11. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб. : Типография Министерства путей сообщения, 1889.
12. Комиссаров В.С. Российское уголовное право : в 2 т. Т. 1: Общая часть : учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015.
13. Познышев С.В. Основы начала науки уголовного права. М. : Университетская типография, 1907.
14. Анощенко С.В. Восстановительно-компенсационная функция уголовного права // *Библиотека уголовного права и криминологии*. 2014. № 3 (7). С. 56–65.
15. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские правила] // Резолюция 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 20.07.2017).
16. Хутов К.М. Достижение наказания цели предупреждения совершения новых преступлений // *Библиотека уголовного права и криминологии*. 2014. № 3 (7). С. 111–120.
17. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу, за 2016 год. URL: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/Dolia_litc_ranee_osuzhdavshikh_za_sovershenie_prestupleniiv_vstupivshikh_v_zakonnu_iu_silu_za_2016g.xls (дата обращения: 25.07.2017).
18. ФСИН России. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. Характеристика осужденных, которые осуждены к лишению свободы. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 25.07.2017).
19. Ryan Kornhauser. Economic individualism and punitive attitudes: A cross-national analysis // *Punishment & Society*. 2015. Vol. 17 (1). P. 27–53.
20. Эминов В.Е. Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части : учеб. / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014.
21. Гилинский Я.И. Уголовная политика общества постмодерна: актуальные проблемы // Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права : сб. науч. статей. М. : Проспект, 2016. С. 75–87.
22. Жестеров П.В. Уголовная репрессия в постиндустриальном обществе / под науч. ред. Г.Ю. Лесникова. М. : Проспект, 2016.
23. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // *Журнал российского права*. 2013. № 8 (200). С. 55–65.
24. Sherman L.W., Strang H., Mayo-Wilson E., Woods D.J., Ariel B. Are Restorative Justice Conferences Effective in Reducing Repeat Offending? Findings from a Campbell Systematic Review // *Journal of Quantitative Criminology*. 2015. Vol. 31 (1). P. 1–24.
25. Sherman L.W., Strang H. et al. Twelve experiments in restorative justice: the Jerry Lee program of randomized trials of restorative justice conferences // *Journal of Experimental Criminology*. 2015. Vol. 11. P. 501–540.
26. Nordin M. Does Eligibility for Tertiary Education Affect Crime Rates? Quasi-Experimental Evidence // *Journal of Quantitative Criminology*. 2017. Online First Articles. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10940-017-9355-8> (дата обращения: 20.07.2017).
27. Alos R., Esteban F., Jodar P., Miguelez F. Effects of prison work programmes on the employability of ex-prisoners // *European Journal of Criminology*. 2015. Vol. 12 (1). P. 35–50.
28. Canton R. Crime, punishment and the moral emotions: Righteous minds and their attitudes towards punishment // *Punishment & Society*. 2015. Vol. 17 (1). P. 54–72.
29. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М. : Проспект, 2014.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 октября 2017 г.

PUNISHMENT IS NOT THE PANACEA FOR CRIMES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 222–227.

DOI: 10.17223/15617793/425/30

Tatiana F. Minyazeva, Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian Federation Government (Moscow, Russian Federation); Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: minyazeva2008@rambler.ru

Denis A. Dobryakov, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: den-dobryakov@yandex.ru

Keywords: punishment; criminal (penal) law; crime; crime prevention; recidivism.

The place of criminal punishment in the system of crime combating measures and the problem of the overestimation of its significance are examined in the article using the formal-legal method. The authors make an effort to determine the actual area of an effective impact of punishment and its place in the system of crime combating measures. Punishment is suggested to be considered as the most severe measure of crime combating, which has the greatest potential in counteracting recidivism and should be deemed as secondary to non-criminal legal measures of crime prevention. In this context, the authors offer a different approach to the formulation of the objectives of criminal punishment which seem to be recognized in an overly declarative form in the current Criminal Code of the Russian Federation. The article justifies the expediency of recognition in the criminal law of really achievable purposes of punishment, namely, restoration of public relations violated by a crime and prevention of recidivism of crimes, instead of the purposes of restoration of social justice, reformation of the convicted person and prevention of further crimes. The article highlights the essential elements of punishment that are not devoid of punitive features and, at the same time, are designed to assist achieving its goals and express the natural negative response of the state to the violation of the rules of behavior which are formalized in society. The critical analysis of the practice of the punishment system adjustment and regular sanction amendments in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation for years of its action is made in the article. It is noted that, in general, this practice is confined to excessive and unreasonable stiffening of the relevant provisions of the criminal law, substantially substituting real crime combating and contradicting the line of the state policy on the retrenchment of penal repression. At the same time, it is suggested to pay attention to the necessity to update the system of punishments and certain types of punishments in order to increase their effectiveness. In addition, the importance of other measures of compulsory influence on the perpetrators is stressed, including measures which are not directly related to criminal legal ones, as well as other measures of non-legal nature. Crime combating is seen as a complex, composite activity of all institutions of modern society that should be reflected in the criminal policy of the state and the legislation. This emphasizes the essence of criminal punishment as an auxiliary measure aimed at compensation for harm and special prevention of crimes.

REFERENCES

1. Eminov, V.E. (2007) *Kriminologiya* [Criminology]. 3rd ed. Moscow: Yurist".
2. Kurganov, S.I. (2010) *Kriminologiya* [Criminology]. 4th ed. Moscow: YuNITI-DANA; Zakon i pravo.
3. Beccaria, Ch. (2004) *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [About crimes and punishments]. Moscow: INFRA-M.
4. George, P.F. (1998) *Basic concepts of criminal law*. Oxford: Oxford University Press.
5. Bibik, O.N. (2012) Ugolovnoe nakazanie kak kul'turno obuslovlennaya reaktsiya na prestuplenie [Criminal punishment as a culturally conditioned reaction to crime]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo*. 1 (30). pp. 120–126.
6. Bytko, S.Yu. (2016) *Ugolovnoe nakazanie: sushchnost' i effektivnost' predupreditel'nogo vozdeystviya* [Criminal punishment: the nature and effectiveness of preventive action]. Moscow: Yurlitinform.
7. Adel'khan, R.A. (2010) *Ugolovnoe pravo Rossii. Prakticheskiy kurs* [The Criminal Law of Russia. A practical course]. 4th ed. Moscow: Volters Kluver.
8. Dagge, H. (1774) *Considerations on Criminal Law*. Vol. 1. London.
9. Schinkel, M. (2014) Punishment as moral communication: The experiences of long-term prisoners. *Punishment & Society*. 16 (5). pp. 578–597. DOI: 10.1177/1462474514548789
10. Sundurov, F.R. & Talan, M.V. (2015) *Nakazanie v ugovolnom prave* [Punishment in Criminal Law]. Moscow: Statut.
11. Foynitskiy, I.Ya. (1889) *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniyem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya.
12. Komissarov, V.S. (2015) *Rossiyskoe ugovolnoe pravo: v 2 t.* [Russian criminal law: in 2 vols]. Vol. 1. 4th ed. Moscow: Prospekt.
13. Poznyshchev, S.V. (1907) *Osnovnye nachala nauki ugovolnogo prava* [The basic principles of the science of criminal law]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
14. Anoshchenkova, S.V. (2014) Vosstanovitel'no-kompensatsionnaya funktsiya ugovolnogo prava [The restorative-compensatory function of criminal law]. *Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii*. 3 (7). pp. 56–65.
15. United Nations. (1990) *United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures [Tokyo Rules]*. United Nations General Assembly Resolution 45/110 of 14 December 1990. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml. (Accessed: 20.07.2017). (In Russian).
16. Khutov, K.M. (2014) Dostizhenie nakazaniem tseli preduprezhdeniya soversheniya novykh prestupleniy [Achieving the goal of preventing the commission of new crimes by punishment]. *Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii*. 3 (7). pp. 111–120.
17. The Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Dolya lits, ranee osuzhdavshikhsya za sovershenie prestupleniy, v obshchem kolichestve lits, osuzhdennykh na osnovanii obvinitel'nykh prigovorov, vstupivshikh v zakonnyy silu, za 2016 god* [The proportion of persons previously convicted of committing crimes in the total number of persons convicted on the basis of convictions entered into force in 2016.]. [Online] Available from: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/Dolia_lite_ranee_osuzhdavshikhsya_za_sovershenie_prestupleniy_vstupivshikh_v_zakonnyy_silu_za_2016g.xls. (Accessed: 25.07.2017).
18. Federal Penitentiary Service of Russia. (2016) *Kharakteristika lits, sodержashchikhsya v ispravitel'nykh koloniyakh dlya vzroslykh. Kharakteristika osuzhdennykh, kotorye osuzhdeny k lisheniyu svobody* [Characteristics of persons held in correctional colonies for adults. Characteristics of convicts who are sentenced to deprivation of liberty]. [Online] Available from: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20soderghayhsya%20v%20IK/>. (Accessed: 25.07.2017).
19. Kornhauser, R. (2015) Economic individualism and punitive attitudes: A cross-national analysis. *Punishment & Society*. 17 (1). pp. 27–53. DOI: <https://doi.org/10.1177/1462474514560393>
20. Eminov, V.E. (2014) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasty* [The penal law of Russia. General and Special Parts]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
21. Gilinskiy, Ya.I. (2016) Ugolovnaya politika obshchestva postmoderna: aktual'nye problemy [The criminal policy of the society of postmodernity: topical issues]. In: Matskevich, I.M. et al. (eds) *Aktual'nye problemy kriminologii, yuridicheskoy psikhologii i ugovolno-ispolnitel'nogo prava* [Topical issues of criminology, legal psychology and penal law]. Moscow: Prospekt.
22. Zhesterov, P.V. (2016) *Ugolovnaya repressiya v postindustrial'nom obshchestve* [Criminal repression in the post-industrial society]. Moscow: Prospekt.
23. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2013) Kriminologicheskoe myshlenie v kontekste intellektual'nogo obespecheniya ugovolnoy politiki [Criminological thinking in the context of the intellectual support of criminal policy]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 8 (200). pp. 55–65.
24. Sherman, L.W. et al. (2015) Are Restorative Justice Conferences Effective in Reducing Repeat Offending? Findings from a Campbell Systematic Review. *Journal of Quantitative Criminology*. 31 (1). pp. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10940-014-9222-9>
25. Sherman, L.W. et al. (2015) Twelve experiments in restorative justice: the Jerry Lee program of randomized trials of restorative justice conferences. *Journal of Experimental Criminology*. 11. pp. 501–540. DOI: 10.1007/s11292-015-9247-6
26. Nordin, M. (2017) Does Eligibility for Tertiary Education Affect Crime Rates? Quasi-Experimental Evidence *Journal of Quantitative Criminology*. Online First Articles. [Online] Available from: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10940-017-9355-8>. (Accessed: 20.07.2017). DOI: <https://doi.org/10.1007/s10940-017-9355-8>
27. Alos, R., Esteban, F., Jodar, P. & Miguelez, F. (2015) Effects of prison work programmes on the employability of ex-prisoners. *European Journal of Criminology*. 12 (1). pp. 35–50. DOI: 10.1177/1477370814538776
28. Canton, R. (2015) Crime, punishment and the moral emotions: Righteous minds and their attitudes towards punishment. *Punishment & Society*. 17 (1). pp. 54–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1462474514548806>
29. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2014) *Problemy rossiyskoy ugovolnoy politiki* [Problems of the Russian criminal policy]. Moscow: Prospekt.

Received: 25 October 2017